А.М. МЕНЬЩИКОВА
(Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-1(Ахматова А. А.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

«ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ» А. АХМАТОВОЙ: СПЕЦИФИКА ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению типов прозаических вставок и анализу специфики их варьирования в «Поэме без героя» А. Ахматовой. В качестве материала для рассмотрения были взяты не только вставки, закрепившиеся в редакциях, но и возникшие в произведении лишь однажды или только в черновом варианте, поскольку в совокупности они позволяют проследить процесс становления «Поэмы». Различные функции прозаических фрагментов и их постоянное изменение на протяжении девяти редакций «Поэмы» дают возможность рассматривать их с точки зрения поэтики незавершенного.

Ключевые слова: «Поэма без героя» А. Ахматовой, прозаические вставки, вариативность, поэтика незавершенного.

Исследование «Поэмы без героя» в девяти редакциях, опубликованных в издании Н. И. Крайневой «Поэма без героя Анны Ахматовой: “Я не такой тебя когда-то знала”» позволяет выявить специфику варьирования различных уровней художественного произведения. Изменения прозаических вставок, значительная часть которых не включается поэтом в окончательный вариант каждой из редакций, также позволяет сделать некоторые выводы об особенностях их варьирования и роли в становлении «Поэмы». Кроме того, издание Н. И. Крайневой позволяет работать и с уровнями правки, которые, как представляется, также можно считать отдельными вариантами «Поэмы» [Меньщикова 2013: 107].

Прозаические фрагменты появляются в «Поэме без героя» с первых редакций 1940-х годов. Во-первых, это – ремарки, обусловленные устремленностью «Поэмы» в либретто. Во-вторых, вставки, связанные с процессом создания «Поэмы», и ее последующей «жизнью»: «Вместо предисловия», «Примечания» («Примечания автора» / «Примечания редактора»), а также тексты сносок. Оба типа

прозаических вставок изменяются на протяжении работы Ахматовой над «Поэмой».

Важно заметить, что характер изменения двух типов различен. Так, практически все ремарки, появившись однажды, сохраняются, от варианта к варианту включая новую информацию, в то время как текст, связанный с процессом создания «Поэмы», как правило, «мерцает» от редакции к редакции.

Приведем пример изменения первых ремарок Части первой в разных редакциях:

«Новогодний вечер. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени прошлого под видом ряженых. Поэт. Призрак» (Третья редакция, 1944 год).

«Новогодний вечер. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени прошлого под видом ряженых. Маскарад. Поэт. Призрак» (Четвертая редакция, 1946 год).

«Новогодний вечер. К автору, вместо того, кого ждали, приходят Тени прошлого – под видом ряженых. (Лирическое отступление) Маскарад. Поэт. Призрак». [Все время – музыка][1]. (Пятая редакция, 1956 год).

«Новогодний вечер. [Горят высокие свечи, отражаясь в зеркалах.] К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени прошлого – под видом ряженых. (Лирическое отступление) – Гость из Будущего. Маскарад. [Интермедия.] Поэт. Призрак». (Шестая редакция, 1959 год).

«Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени [прошлого] – [из] тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – “Гость из Будущего”. Маскарад. Поэт. Призрак. [В тиканье старых лондонских часов (кот. скоро странным водопадным голосом объявят новогоднюю полночь) слышится: Я уже не говорю, что Музыкальная шкатулка (словно не выдержав долгого молчания начинает не то петь не то бредить: что-то совсем уже негожее)]» (Седьмая редакция, 1962 год). [Крайнева 2009: 234, 268, 302, 405,482].

Ремарки в восьмой (1962 год) и девятой (1963 год) редакциях совпадают с предыдущей версией, с учетом убранного Ахматовой фрагмента о старых часах и шкатулке.

[1] Убранные в процессе работы над «Поэмой» фрагменты ремарок мы, вслед за Н.И. Крайневой, будем помещать в квадратные скобки.

Приведенный ряд иллюстрирует постоянное приращение информации: конкретизация времени и места в поздних редакциях, использование форм прошедшего и будущего времени глаголов в одном описании (и в частности, в седьмой редакции) позволяет говорить о позиции вненаходимости автора. Другим примером может служить ремарка в пятой редакции (1956 год), где Ахматова заменяет форму прошедшего времени глагола – формой будущего времени (этот вариант закрепляется в последующих редакциях): «…Угол Марсова Поля. Дом построенный в начале 19 в. бр. Адамини, в кот. [было] будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г.» [Крайнева 2009: 316].

Характер изменения ремарок связан и с указанием на субъект повествования. В поздних редакциях возникают постоянно умножающиеся маски: помимо старых лондонских часов и музыкальной шкатулки, упомянутых выше, а качестве субъекта повествования в тексте появляется Темная фигура в черных кружевах, Ветер, Тишина, а также некто неназванный, скрытый: «Слова из мрака», «Чей-то голос» (с седьмой редакции, 1962 год) и «Голос автора, находящегося за семь тысяч километров».

Важно отметить, что строфы, предваренные указанием на субъект повествования, не изменяются – именно поэтому правомерно говорить о масочности, к которой прибегает поэт. Показательно, что позиция вненаходимости автора, реализуется и при появлении в тексте масок: «Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет…» («вспоминать» относится к прошлому, тому, что было, «пророчествовать» – о том, что будет. Использование обоих слов в одной строке синонимично замене «было» на «будет») [Крайнева 2009: 493, 552, 601].

Второй тип прозаических вставок связан с процессом создания «Поэмы» и констатацией ее «своевольности». «Вместо предисловия» – первый объемный прозаический текст, позволяющий говорить об автономном существовании произведения. Содержание этой вставки практически не изменяется, однако некоторые фрагменты, впервые появившись во «Вместо предисловии», впоследствии были убраны поэтом из текста редакций и помещены в «Прозу о “Поэме”». Среди таковых – отрывки из пятой редакции: «Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму, как трагический балет…» и («Из письма к N.N.»): «Жирмунский в тени комаровских сосен…сказал, что П. б. Г. исполненная мечта символистов, кот. в теории проповедовали магию слова, волшебство ритма и т. д., но никогда это не исполняли сами в своих поэмах…» [Крайнева 2009: 293, 332]. За разомкнутостью границ

«Поэмы» и «Прозы о поэме» логично предположить размытость границ категорий биографического автора и творца, позиции и роли поэта в тексте.

Показательна одна из записей поэта в пятой редакции (1956 год) из «Предисловия к балету “Триптих”», в котором говорится о поэме как трагическом балете, увиденном или услышанном поэтом во сне: «Но мне все же хочется отметить это событие, хотя бы в одном списке, что я и делаю сейчас» [Крайнева 2009: 298]. Запись кажется принципиально важной, поскольку позволяет утвердиться в правомерности позиции Т. Цивьян, предлагающей считать «Поэмой» все существующие тексты редакций, без выделения одного, итогового или наиболее позднего [Цивьян 1989: 127]. Сохранение записи в одной из редакций означало для поэта сохранение ее внутри пространства «Поэмы».

Если рассмотрение ремарок позволяет говорить о факте и особенностях варьирования, то спецификой сносок и «Примечаний» («Примечаний редактора» / «Примечаний автора») является прямое указание на многовариантность и фрагментарность «Поэмы». В качестве примера можно привести тексты сносок, появляющихся в окончаниях редакций: «Второе окончание “Поэмы без героя”» (Вторая редакция, 1943 год), «Первое окончание поэмы» (Третья редакция, 1944 год), «Первоначальное окончание поэмы» (Четвертая редакция, 1946 год), «Раньше поэма кончалась так» (с Пятой редакции 1956 год) [Крайнева 2009: 211, 249, 283, 330, 430, 506, 565, 613]. Помимо варьирования последних строф сноски содержат указания на варианты отдельных строк. Примечательно, что некоторые из них вводятся словами «Вар.», «Вариант», «Или», которые, как кажется, свидетельствуют о равноправности нескольких версий одной строки; другой способ введения вариативности в сносках – словом «Было», которое словно указывает на более предпочтительный, поздний вариант (избранный поэтом в процессе работы), символизируя постоянное возвращение к «Поэме» и ее изменение.

Приведем пример варьирующихся сносок, относящихся к третьей строке полустрофы: «До смешного близка развязка; / Вкруг костров кучерская пляска, / Из-за ширм Петрушкина маска,[x)] / Над дворцом черно-желтый стяг…» в разных редакциях.

Пятая редакция (1956 год): «Вар: За пятак чрез Неву на салазках».

Шестая – восьмая редакции (1959, 1962 год): «Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках». [Крайнева 2009: 310, 413, 490, 549].

В девятой редакции (1963 год) текст сноски отсутствует.

К строкам «Решки»: «В дверь мою никто не стучится, / Только зеркало зеркалу снится,=) / Тишина тишину сторожит» также делается сноска, впервые появляющаяся в пятой редакции (при более раннем появлении самой строфы):

Пятая редакция (1956 год): [Или: Все двоится или троится / это зеркало…..]

Шестая редакция (1959 год): [Было: Все двоится или троится, / Это зеркало зеркалу снится /…….]. [Крайнева 2009: 322, 424].

В последующих редакциях сноска отсутствует.

«Мерцание» сносок, вводящих варианты строк и строф словом «было», как кажется, приоткрывают на время тайну «ворожбы» «Поэмы», ее постоянное движение. В Пятой редакции (1956 год), в «Решке» появляется строфа, впоследствии убранная Ахматовой: «А за тонкой стенкой, откуда / Я ушла не дождавшись чуда / В сентябре в ненастную ночь / Он еще+) не спит и бормочет, / Что теперь больше счастья хочет / Позабыть про царскую дочь». Сноска: «Было: Бывший друг». [Крайнева 2009: 322]. Вследствие того, что строфы нет в ранних редакциях, сноска вводит дополнительный вариант, возможно, необходимый Ахматовой для достижения ощущения неопределенности (по Виноградову, писавшему о категории неопределенности в творчестве А. Ахматовой [Виноградов 1925: 137]).

Помимо указания на вариативность сноски могут выполнять ряд других функций. В частности, они позволяют делать указания на интертекстуальные отсылки. Так, в пятой редакции (1956 год) к фрагменту Части первой сделана стертая впоследствии и не повторяющаяся в других редакциях сноска: «Эти три строфы попали сюда по ошибке из стихотворения “Le jour des rois” с эпиграфом “Раз в Крещенский вечерок”» [Крайнева 2009: 306]. К более устойчивым относится указание на стихотворение Гумилева в сноске к последней строке полустрофы в «Решке»: «И мелькают летучие мыши, / И бегут горбуны по крыше / И цыганочка лижет кровь.-)». Наполнение сноски варьируется: в первой редакции (1942 год) отсылка отсутствует, во Второй редакции (1943 год): «См: “У цыган.” Н. Гумилева»; в Третьей и Четвертой редакциях (1944, 1946 год) сохраняется форма сноски предыдущей редакции, но добавлены строки: «Девушка, смеясь, с полосы кремневой / Узким язычком слизывает кровь». В последующих редакциях строфа отсутствует [Крайнева 2009: 207, 245, 279].

Некоторые сноски, как и ремарки, содержат указание на маску, за которой, однако, скрывается не субъект повествования, а тот, кто осуществляет работу с текстом «Поэмы»: редактор или переводчик

(который, по «должности», оказывается лишь посредником между истинным творцом и читателем). Вместе с тем, позиция вненаходимости, о которой говорилось выше, реализуется и в подобных сносках. Так, к строке «И со мною моя “Седьмая”[+)]» в Пятой редакции (1956 год) делается сноска: «Седьмая элегия автора еще не написанная (Прим. переводчика)» [Крайнева 2009: 323]. В следующих редакциях строфа была перемещена в один из вариантов окончания «Поэмы», приведенный в форме сноски: «А за мною, тайной сверкая / И назвавши себя “Седьмая”…», с примечанием: «“Седьмая” – Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии вывез на самолете из осажденного города 29 сентября 1941 г.» [Крайнева 2009: 430, 434, 506, 508, 565, 568, 613, 614]. Факт изменения содержания сноски, как представляется, позволяет выделить еще одну роль этого типа вставки: указание на связь не только с чужими текстами и – однократно – текстами стихов самой Ахматовой (постоянная отсылка к «Новогодней балладе» в Части первой), но и проведение связи «Поэмы» с другими произведениями, создававшимися в одно время с поздними редакциями «Поэмы».

Сноски могут содержать информацию, связанную с целостностью / фрагментарностью текста. Например, указание в пятой редакции на то, что «Кусок письма кем-то сожжен», повторяется и в шестой редакции (1959), дополняясь текстом в скобках: «Надо четыре строки точек» [Крайнева 2009: 333, 431].

«Мерцание» сносок, обладающих различными функциями, вводящих информацию разного рода, позволяет говорить о варьировании уровней понимания «Поэмы» и степени ее связи с другими текстами, включая те, что создавались Ахматовой параллельно, то есть могли иметь связи на уровне творческого замысла.

«Примечания» как один из наиболее объемных видов прозаических вставок, поддерживает обозначенную особенность сносок, указывающих на целостность / фрагментарность текста. Вместе с тем, в отличие от сносок, «Примечания» зачастую указывают на отстраненность / непричастность автора к фрагментам «Поэмы».

Наиболее показательный пример – развернутая вставка в пятой редакции (1956 год), сообщающая об архивных находках, случайном обнаружении фрагментов «Поэмы», которые не признаются автором: «Недавно в одном из ленинградских архивов были обнаружены шесть довольно бессвязных стихотворных строк – по-видимому строфа из «Решки» <…> сотрудник извлек из «розовой папки» четыре строчки

(почерк не Ахм.) явно не имеющие никакого отношения к «Поэме без героя» и безуспешно пытался (см. его доклад стр. x) убедить читателей, что строки «от меня, как от той графини / шел по лесенке винтовой, / чтоб увидеть рассветный синий / смертный час над зимней Невой» должны находиться где-то в тексте и даже как-то связаны с предыдущей архивной находкой. Каково?»; еще один пример: «Откуда-то выпала бумажка и на ней: Все, что сказано в первой части / О любви, измене и страсти / Превратилось сегодня в прах…)» [Крайнева 2009: 335, 336].

Важно, что восстановление потерянного или уничтоженного текста происходит также помимо воли автора: «говорят, после напечатания этих строк автор попросил прекратить дальнейшие поиски пропущенных кусков поэмы, что и было исполнено…».

Симптоматичным кажется и то, что, не признавая своей причастности к тексту в одной редакции, в другой автор не ставит под сомнение происхождение строк:

1) «По совершенно непроверенным слухам в рукописи за этим стихом шла следующая строфа: «Уверяю, это не ново… / Вы дитя, синьор Казанова!...» / «На Исакьевской ровно в шесть» (Шестая редакция, 1959) [Крайнева 2009: 432].
2) «Где-то вокруг этого места…. бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст: «Уверяю, это не ново…» (Седьмая редакция, 1962) [Крайнева 2009: 506].

Помимо эксплицированных в «Поэме» прозаических фрагментов, опубликованные Н.И. Крайневой редакции включают указания на место возможных прозаических вставок, которые от варианта к варианту остаются условными авторскими обозначениями. Наряду с формально выраженной незавершенностью, пропущенные вставки (или существование замысла новых вставок) могут свидетельствовать о бесконечном варьировании и наращении смыслов, содержащихся в каждом из типов вставок.

Не ограничиваясь функциями комментирования, пояснения и указания на место, время и обстановку, в которой происходят события «Поэмы», прозаические вставки напрямую связаны с особенностями художественного сознания поэта. Включаясь в формирование поэтики незавершенного, прозаические вставки позволяют проследить сам процесс становления «Поэмы», движение глобальных текстообразующих категорий, время от времени приоткрывая многоуровневую организацию варьирующихся элементов.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски). – Ленинград, 1925. – 165 с.

Крайнева Н. «Я не такой тебя когда-то знала…» : Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто : материалы к творческой истории. – СПб. : Издательский дом «Міръ», 2009. – 1488 с.

Меньщикова А. Непечатность «Поэмы без героя» Анны Ахматовой в аспекте вариативности // Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 18 апреля 2013 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. С.104 – 107.

Цивьян Т. «Поэма без Героя»: еще раз о многовариантности // Ахматовский сборник. – Париж : Институт славяноведения, 1989. С. 123 – 129.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.А. Снигиревой